

ВСЕМ ЖАРОМ СЕРДЦА

Соб. Чувашский "2 Чебоксары 17 апр. 1975

— Вас, Николай Терентьевич, называют художником с обостренным чувством времени. Что, на ваш взгляд, лежит в основе такого чувства? И почему оно проявляется среди творческих работников не так уж часто?

— Чувство времени — это важнейшая сторона литературного творчества. Находясь в непрерывном движении, жизнь обязательно рождает новые идеи во всех сферах. При этом что-то надо отрицать, а что-то поддерживать, развивать. Уловить это новое, дать ему жизненный простор и есть наше призвание. Это нелегко. Тут все зависит от позиции, которую ты занимаешь, от твоего жизневидения. А что касается того, почему оно проявляется не всегда и не у всех, — причин много.

— Помните, вы однажды затронули эту тему на страницах нашей газеты. С душевной болью говорили о слабости некоторых многоактных пьес, объясняя неудачу авторов отсутствием у них твердой, грядущей позиции. Попробуйте вернуться к этой мысли.

— Может быть я повторюсь, но считаю нужным подчеркнуть: иметь твердую позицию, собственное представление о предметах и явлениях; отстаивать его всем жаром сердца — вот что такое быть гражданином. А без гражданского горения нет полноценного творчества.

— Как нет и личности. Герой вашей драмы «Кунушка все нукует», мне кажется, одержимый именно таким горением. В тяжелые годы войны, когда судьба каждого исключительно тесно была связана с судьбой Родины, они взяли на себя ответственность за будущее, за утверждение социалистических завоеваний. А в чем заключается современность ваших пьес, созданных на историческом материале? Таких, например, как «Волны бьют о берег», «Земля и девушка»?

— Действительно, события, происходящие в пьесе «Земля и девушка», отделены от нас двумя веками: они об участии чувашских крестьян в пугачевском движении против царизма. Но идея ее жгуче современная: как бы ни топтали народ черные силы империализма, он, как родник, все равно пробьет себе путь. Пример тому — крах колониализма, возникновение новых независимых государств.

Художнический взгляд позволяет собрать воедино разные характеры, помыслы, поступки и судьбы людей далеких лет и сделать все это созвучным с нынешним днем.

— Не следует ли из сказанного, что не всякий материал подходит для драматургии?

— Да, не всякий жизненный материал можно поло-

жить в основу пьесы. Драматургия — это особенный, сконцентрированный конфликт, в котором проявляются сильные характеры. Здесь полярные стороны действующих лиц выражены наиболее ярко. Но это не значит, что их столкновение лежит на поверхности. Поднимая в своих пьесах вопросы нравственного воспитания, говоря о необходимости моральной чистоты, бескомпромиссности в повседневных делах, я преследую общечеловеческие цели. Частный факт не может быть литературным явлением. Только умение обобщать делает литературу литературой. Но не всякое обобщение, а реализованное в конкретном характере.

— Насколько я помню, о некоторых ваших пьесах говорили, что они поднимают острые социальные вопросы. Например, в «Помогите ведущему, журавли» впервые на чувашской сцене прозвучали страстные слова о необходимости дальнейшего экономического преобразования сельского хозяйства. И это как раз пришлось на канун мартовского (1965 г.) Пленума Центрального Комитета партии. Выходит, в некоторой степени художник соперничает с самой действительностью и иногда даже опережает время.

— Ценность литературы, пожалуй, в том и заключается, что писатель должен первым заметить приметы нового в развитии общества, осмыслить их и показать другим. Конечно, легче писать после партийных решений, тут никакого риска нет. Но подлинный художник на то и помощник партии, чтобы в самом зародыше обнаружить то или иное явление и способствовать его развитию и утверждению.

— Вот вы употребили слово «риск». В связи с этим вспоминается термин, часто употребляемый в литературных кругах: смелый писатель. Хотелось бы услышать ваше мнение.

— Смелыми я называю не тех, кто, ничего не делая, ворчит по поводу некоторых фактов. Смелость художника в моем понимании — в его активном вторжении в гущу событий. Жизнь стремительно идет вперед, темпы движения очень высокие, занатов на пути немало. И тот, кто расчищает дорогу от этих завалов, может заработать себе синяки от тех сил, которым удобно жить без движения. Это, например, мещане разных мастей. Вот тут-то нужна смелость. Литератор обязан все время указывать, что хорошо и что плохо, кто хорош и кто плох, чем хорош и чем плох. А делает он это для того, чтобы завтра люди были лучше, чем сегодня.

— Вы говорили о воспитательном значении литературных героев: мол, завтра мы должны быть лучше, чем сейчас. Но чем объяснить, что в ваших произведениях нет резко идеальных образов, как, впрочем, и резко отрицательных?

— Это не совсем точно. У меня, на мой взгляд, есть

герои-идеалы. Сергей, Вавил, Катя Серебрякова... Как живые люди, конечно, и они не лишены некоторых слабостей. Сергей, например, мечтает: если бы начать жить по-другому...

— Идеал в преодолении недостатков?

— Да, в какой-то степени в самовоспитании личности, в стремлении к гармоничному развитию. Относительно же резко отрицательных... Не люблю работать черными красками. Пытаюсь разобраться во внутреннем мире каждого персонажа.

— Василий Шукшин, например, в картине «Калина красная» даже в преступнике ищет человека, хочет восстановить в нем ранее убитые чувства...

— Правильно, Шукшин как гуманист стремится вызвать человека из той бедовой обстановки, которую тот себе создал. В моих пьесах тоже есть персонажи, которым не позавидуешь. Я пытаюсь им помочь... Но есть и такие типы, с которыми у меня компромиссов нет и быть не может. Это и в обществе так: некоторые сами себя ставят в такое положение, что с ними не может быть никаких примирений.

— Хотелось бы узнать, какой контакт у вас со зрителями и читателями, всегда ли согласны они с вашими идеями?

— Я был бы не совсем доволен своей работой, если бы угодил всем. Некоторым не нравится, когда пьеса объявляет войну отрицательным явлениям. Свежий пример. ТЮЗ поставил «Серебристые облака». В пьесе выведен образ завуча, которая мыслит и действует по старинке. А ведь сейчас к школьнику нельзя подходить так, как, скажем, это делалось десять лет назад. Нужно пересмотреть многое. Я критикую педагогов, глухих к зову времени. Одна учительница, как мне рассказывали, даже покинула зрительный зал, не досмотрев спектакля. Не выдержала. Вероятно, в сценическом образе она узнала и себя...

— Это еще раз свидетельствует об актуальности вашего творчества. Почти все крупные ваши произведения переведены на русский язык. Но, как известно, разные бывают переводчики.

— Совершенно верно. В драматургии я вижу три подхода к переводу. Конечно, могу здесь полагаться только на свой опыт. Одни ограничиваются просто «приспосабливанием» подстрочного текста, вторые сперва строго следуют оригиналу, но постепенно отходят от него так, что местами не узнаешь своего диалога. А третий способ — наиболее творческий: берут от меня и пересказывают на добротном литературном языке. Может быть, сам материал толкает на эти три варианта? Но перспектива, безусловно, за творческим подходом. Это для нас, национальных литераторов, очень важный, всегда волнующий вопрос.

— Довольны ли вы своими произведениями? У вас есть пьеса под названием «Что такое счастье?» Как бы вы ответили на этот вопрос применительно к себе?

— Кажется, тут два вопроса. Но они взаимосвязаны. Честно говоря, многими своими произведениями я недоволен. Будь сейчас возможность заново перестроить их, я бы, пожалуй, попытался. Лучше или хуже получилось бы — вопрос другой. А насчет счастья... Когда я вижу на спектаклях по моим пьесам горящие глаза, радостные или грустные лица, когда слышу заразительный смех или общий вздох, когда буквально весь зал завороченно следит за происходящим на сцене — это и есть, наверное, счастье драматурга. В театре можно сидеть на боковых местах, одним глазом смотреть на сцену, другим — в зал. Часто ловлю себя: тут я художественно убедителен, а тут дал промашку. Сидеть на своем спектакле — это своеобразная школа. С премьер всегда ухожу с хорошим настроением. В нашем академическом театре и в ТЮЗе играют признанные артисты. Я им благодарен за многие счастливые минуты.

— А теперь традиционный вопрос: над чем вы работаете сейчас?

— Я бы поставил вопрос иначе: что меня сейчас очень сильно волнует? А волнуют меня проблемы современного села, его люди. Мне кажется, в настоящее время туда приходят новые, энергичные работники. На моих глазах они переделывают облик колхозно-совхозной деревни. Вижу образованных, подлинно интеллигентных специалистов. Знаю, им придется много и упорно поработать, чтобы существенно изменить жизнь села. И борьба с негативными явлениями сегодняшней деревни предстоит нелегкая. Я свои надежды связываю с защитниками природных богатств, творчески берегающими нашу землю. Еще такой вопрос волнует меня. В обществе пока что встречаются двуличные люди: в производственном процессе вроде бы всем хорошо, а нравственный уровень у них несоответственно низок. Наверное, это я изображаю в комедии. При оценке человеческой личности мы часто учитываем только одну сторону ее деятельности — в материальной сфере и как-то мало интересуемся духовным миром, недостаточно заглядываем или не умеем заглядывать в душу человека.

— Значит, Николай Терентьевич, мы можем ждать новых интересных произведений о нашем современном. И, надеюсь, они украсят репертуары многих театров.

— Это зависит не только от значительности замысла, но и от масштаба его художественного воплощения. Самоотверженный труд советских людей вдохновляет нас, художников, на создание ярких произведений.